

© 2000 г.

Л. Мясникова,

доктор экономических наук

(Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и финансов)

СЕТЕВОЕ РАЗВИТИЕ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА – ПУТЬ НЕСВОБОДЫ

С конца XX века человеческое общество неуклонно трансформируется в направлении к информационному (постиндустриальному) укладу, главным и определяющим ресурсом которого является знание во всех его ипостасях. Фактором, непрерывно ускоряющим эту трансформацию, выступает интенсивная сетевая информатизация, в корне изменившая представления о социально-экономическом пространстве и времени и сделавшая взаимно доступными для управления в реальном масштабе времени любые точки Земли. Способность производить знания и соответственно базирующиеся на них технологии разделила мир на страны Центра (передовые страны Запада, США, Япония – “золотой миллиард”) и Периферии (куда попала и Россия), социально-экономический разрыв между которыми непрерывно увеличивается. Часто, с легкой руки А. Тойнби, индустриальное общество называют периодом модерна, а уклад его современной трансформации – постмодерном.

Мир XXI века – мир глобального капитализма представляется опутанным паутиной взаимопроникающих сетей различной природы. Это прежде всего **структурные сети глобальной мировой хозяйственной системы**, представленной транснациональными корпорациями (ТНК) и банками (ТНБ). На “мир-ТНК” приходится 75% мирового производства и торговли и 85% интеллектуального капитала, а на мир-ТНБ – 80% мирового финансового оборота. Происходит эмерджентная конвергенция рынка и плана и лишь одна четверть мировой экономики функционирует в условиях свободного рынка¹. Коммуникативной основой этой системы выступают глобальные вычислительные сети, прежде всего Internet, образующие мировое виртуальное киберпространство². Средства массовой информации (СМИ), такие, как телевидение и радио, благодаря глобальным спутниковым системам связи также превратились во всемирную сетевую систему – медиакосмос, тесно переплетенную с глобальными

¹ Мовсесян А., Огневцев С. Транснациональный капитал и национальные государства // МЭ и МО. 1999. № 6. С.56.

² Мясникова Л. Информатизация по Internet // РИСК. 1996. № 8-9. С. 38-41.

ми сетями. Сетевые структуры способствуют образованию глобальной мировой экономики таким же образом, как железные дороги способствовали образованию национальных экономик.

Таким образом, становление информационной парадигмы ведет к формированию человеко-машинного (компьютерного) общества, вся социально-экономическая динамика которого организуется по сетевому принципу¹. Сети образуют новую социальную морфологию – сетевая логика пронизывает производство, образуя новые его формы (ТНК), институты власти, торговлю, финансы, культуру и всесторонне вторгается в повседневную жизнь человека.

Сетевые структуры обеспечивают **глобализацию капитала и децентрализованную концентрацию производства и труда**. Образуется всемирное информационно-финансовое пространство. ТНК входят в союзы с мегаполисами и формируют структурные узлы сетей. Образуется единое рыночно-информационное пространство. Рынок становится сетевым международным институтом открытия информации и ожиданий². Изменяется “агрегатное состояние” всей рыночной экономики – оно становится сетевым. Капитал, капиталисты и труд подчиняются логике сетей, структурирующих международный рынок капитала, рабочей силы и научно-технических услуг и определяющих переливы транснационального капитала из спекулятивной формы в созидательную.

Сетевая глобализация экономики ведет к деиндустриализации стран Центра и превращению их экономики в научно-исследовательские лаборатории и полигоны знаний. Массовое и экологически грязное производство переводится на Периферию, в районы с наименьшими издержками производства, в том числе и по оплате труда³. Если рассматривать глобальный капитализм в целом, то следует вспомнить прогноз К.Маркса об абсолютном обнищании рабочего класса – на Периферии рабочий получает меньше, нежели получал рабочий в XIX в. в странах Центра. В последних рабочий класс практически прекращает свое существование.

С точки зрения либеральных законов сетевой глобализации Россия не представляет существенного интереса для инвестиций транснационального капитала ввиду высоких издержек производства (в 5-10 раз больше, нежели в благоприятных районах) из-за неблагоприятных климатических условий и транспортной инфраструктуры. Это подтвержда-

¹ Майминас Е. Информационное общество и парадигма экономической теории // Вопросы экономики. 1997. №11. С. 93.

² Мясникова Л. Рынок и ожидания // Вопросы экономики. - 1997. № 11. С. 102-105.

³ Даниелов А.Р. Промышленная специализация США в мировом разделении труда // США – Канада: ЭПИ – 2000. № 2. С. 86.

ется бегством капитала из России во всех его видах, после того как страна была вброшена в глобальный мировой рынок.

Морфология сетей с узлами в виде бирж и ТНБ обеспечивает либерализацию финансовых рынков и создает правила игры для виртуальной экономики финансовых технологий. В 1998-1999 гг. ежедневно в денежные спекуляции в среднем было вовлечено 1,2 трлн. долларов, что в 30 раз превышает объем продаваемых товаров и услуг. Противоречия “труд – капитал”, “интеллектуальный – физический” капитал, межстрановые, отношений собственности маскируются сетевой структурой и внешне представляются как противоречия между логикой потоков капитала и ценностями человеческого бытия. Частная собственность приобретает скорее номинальный характер. Отношения Центр – Периферия характеризуются как непрерывное состояние информационного империализма.

Сетевая логика вторгается в сферы культуры. Постмодернистская культура, творчество абстрагируются от исторических и географических корней – господствует аудиовизуальный гипертекст, формируется третья сигнальная система – гипертекстовая. Человек растворяется в мире знаков, не имеющих единого центра. Медиакосмос, стоящий между индивидом и действительностью, взял на себя право интерпретировать события и даже на сами события, на формирование цивилизационной идентичности¹. Область технологических приемов, направленных на “промывание мозгов”, подавила область культурных смыслов. Происходит подмена духовного чисто технологическим.

В виртуальном пространстве происходят политические игры, а путь к власти формируется виртуальным имиджем, рациональными ожиданиями и технологиями обеспечения успешности. Морфология сетей обеспечивает принципиально новый подход к власти через “владение рубильником” сетей, т. е. фактически создаются виртуальные государства с анонимной властью. При этом концепция суверенного государства в значительной мере теряет смысл. Через сети мира-ТНК экономика из способа хозяйствования превращается в многомерную властную систему координат. На новом международном уровне подтверждается старый вывод о том, что “политика является концентрированным выражением экономики”. Создается информационно-финансовая олигархия и достаточно ясно просматривается сетевой контур международного олигархического режима – демократия как власть людей уступает место постдемократии – власти денег. Фактически создаются условия для превращения истории в искусственно конструируемую политическую реальность, и на этот путь уже вступили США. Дело идет к тому, что вся цивилизация переместится в виртуальный мир, а знаки и экранные симуляции по-

¹ Неклесса А. Конец цивилизации, или конфликт истории // МЭ и МО. 1999. № 3. С. 36.

глотят и вытеснят на периферию факторы вещественного реального мира. Ситуация почти по Набокову – “жизнь подражает художественному вымыслу”.

Таким образом, развитие глобальных сетей приводит к ситуации, когда власть структуры становится сильнее структуры самой власти, т. е. **социальная морфология доминирует над социальным действием**¹. Такова картина социального постмодерна.

Следует отметить, что сам сетевой мир-ТНК неустойчив и чреват системным кризисом ввиду отсутствия иерархической системы более высокого уровня (типа демократического мирового правительства), способной преодолеть этот кризис. Поэтому для своей стабилизации мир-ТНК начинает формировать мировой тоталитарный порядок, что фактически и осуществляется в виде концепции “золотого миллиарда” с силовой гегемонией США².

Сказанное выше позволяет констатировать, что **развитие информационной парадигмы, ведущее к формированию постиндустриального общества сетевых структур, связано с принципиальными качественными изменениями в жизни человечества через структурную несвободу.**

По прогнозам, к 2010 году число пользователей Internet превысит миллиард, а бизнес-пользователей – превысит 300 миллионов. Взаимодействие клиент-сеть на электронном уровне далеко не безразлично для психологии человека-оператора, для его менталитета, определяемого подсознанием³. Проще говоря, приходится опасаться не каких-то фантастических компьютеров со сверхчеловеческим мышлением, а ситуации, при которой человек начинает мыслить как примитивный компьютер. К этому, кстати говоря, должно привести и широко рекламируемое виртуальное образование.

Информация, воспринимаемая через электронный монитор, может воздействовать непосредственно на подсознание, **обходя блоки критического осмысления сознания.** Взаимодействие с сетью снимает пространственные и временные барьеры общения – у пользователя возникают эмоции “присутствия”. Основное свойство интеллекта – превращение эмоций в суждения. Эмоции присутствия создают новые суждения о времени, т. е. погружение в виртуальную реальность соответствует переходу к иной пространственно-временной шкале суждений, а соответственно меняется и шкала нравственных ценностей оператора, формирующая его

¹ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. С. 494-505.

² Моисеев Н. Революция или стагнация? // Свободная мысль. 1998. № 9-12. С. 8.

³ Мясникова Л.А. Мезологистика: информация и ожидания. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1999. С. 36-40.

менталитет. Само визуальное электронное мышление носит архаичный характер, способствует развитию агрессивности и потере словесной концептуальности. Образ вытесняет слово, эмоции – рассудок, фантазии – мир реальных человеческих отношений. Психокибернетика установила, что человеческий мозг не различает события реальные и вымышленные, виртуальные, разыгрывающиеся в воображении. Воображению надо только дать нишу, например, в виртуальной реальности. При мысленном эксперименте в мозге формируются такие же связи, как и при реальном событии. Следовательно, виртуальная реальность может формировать связи новой шкалы ценностей. Изучение “нетизеров” (фанатиков Интернет) в США показало, что их психология, менталитет и даже внешние черты характера быстро (за 1-2 года) изменяются в сторону ценностных ориентиров виртуальной информации, а реальная жизнь становится досадной помехой. Анимационные персонажи из мультфильмов и компьютерных игр для них гораздо ближе и понятнее реальным людям. Мир превращается в подобие грез и сновидений, где все возможно. При этом организуется некий виртуальный мир с радикальной реорганизацией пространства и времени, которые не упорядочиваются историчностью. Все это дополняется уже ставшим массовым применением всевозможных киберкостюмов и кибершлемов, позволяющих в буквальном смысле управлять эмоциями и поведением личности. Необходимо также упомянуть влияние экрана монитора (телевизора) как длительно воздействующего источника света на физическое здоровье человека. Это воздействие ведет к уменьшению выработки мозгом нейромедиатора мелатонина (вырабатывается в отсутствии света), гармонизирующего ритмику всех органов. Нарушение такой ритмики приводит к преждевременному старению и к “видеоболезням”. Этим объясняется неестественная акселерация “телевизионных” и “компьютерных” детей.

Можно утверждать, что “человек сетевой” превращается в одно из программно-аппаратных средств киберпространства, которое открывает доступ к его подсознанию к внутреннему пространству человеческой личности, и представляет широкие возможности целенаправленной манипуляции им, т. е. переводит его развитие в сферу электронной несвободы.

Особую форму сетевой несвободы, как структурной, так и электронной, представляет развитие информационных метатехнологий, т. е. технологий, делающих пользователя полностью зависимым от их разработчика (владельца)¹. Такая зависимость автоматически делает пользователей управляемыми в буквальном смысле, ставит их в положение лицензиата. В качестве примера таких технологий можно привести GPS – американскую глобальную спутниковую систему ориентации, которой

¹ Гранин Ю. Что впереди? // Свободная мысль – XXI. 1999. № 9. С. 43.

пользуются самолеты и корабли практически всех стран, всемирную систему телекоммуникаций, базирующуюся на системе американских спутников. Сама Internet также пример гигантской метатехнологии – основные компьютерные узлы, на которых базируется сеть, принадлежат американским компаниям.

Говоря о сетевой несвободе, нельзя не упомянуть глобальные сети наркодельцов, криминальных торговцев оружием и терроризма всех видов (включая информационный). Помимо этих криминальных сетей социального подполья, все большее значение приобретают глобальные сети неформальной теневой экономики. На долю последней в 1999 г. пришлось производство добавленной стоимости на сумму не менее чем 8 трлн долларов, что сопоставимо с экономикой США, страны, имеющей самый большой ВВП в мире¹. (Для сравнения – по данным МВФ мировой ВВП в 1999 г. составил 39 трлн долларов). Существенно, что развитие криминальной и теневой экономики в 1,5-2 раза опережает динамику роста ВВП.

Самоорганизация российского бизнеса пошла в основном по пути структурирования деловых неформальных сетей, включающих устойчивые замкнутые связи хозяйственных агентов, представителей госорганов и структур, обеспечивающих силовое сопровождение бизнеса².

Таким образом, трансформация общественного уклада к информационному обществу ведет к развитию несвободы, что обусловлено сетевой природой этого общества. С одной стороны эта несвобода носит структурный характер, а с другой – электронный. Обе эти стороны взаимообусловлены и синергически дополняют друг друга, образуя мощный каркас необходимости для свободы поведения индивида³. Такая ситуация должна вызвать и далеко идущие социальные и идеологические сдвиги. В наиболее продвинутой в сетевом плане стране (США) наблюдается снижение уровня общественного доверия и степени социализированности, увядание промежуточных общественных структур (профсоюзы, церковные приходы, различные общества), развал семьи, увеличение числа гражданских судебных процессов.

Можно отметить, что вся ретроспектива развития Западного общества, его прогресс, были связаны с уменьшением каркаса необходимости и с развитием свободы.

¹ Кокшаров А. Черная дыра // Эксперт. 2000. № 12. – С. 7.

² Радаев В. Сетевой мир // Эксперт. 2000. № 2. С. 4.

³ Егоров И. Свобода, детерминизм и индетерминизм в свете идей И. Пригожина // МЭ и МО. 1999. № 1. С. 09-110.

Вместо предсказанного Д. Беллом¹ общества информационной свободы (“информационный социализм”), где знание замещает товарные отношения (почти по К. Марксу), пока формируется **общество с жесткой сетевой несвободой**, где сущность человека еще сильнее отчуждается от его существования, нежели в индустриальном обществе, а знание все в большей степени само становится товаром. Происходит сетевое отчуждение труда, которое ведет к отчуждению человека от человека. Ситуация прямо по заповеди – “Не сотвори себе кумира”. Кумир – сетевая структура ведет к самоодурманиванию его в обесчеловеченное существо. При этом человек Западного способа воспроизводства превращается в “человека сетевого”, его протестантская этика – в сетевую этику, а его менталитет – в сетевой менталитет.

По мере развития глобальных сетевых структур в их орбиту затягиваются все новые страны. В мире нет пока реальной силы, способной противостоять их транснациональному распространению и влиянию. Эти сетевые структуры создают необходимые морально-психологические условия для установления **всемирного тоталитаризма**, представляют готовый инструментарий и инфраструктуру для его централизованного правления.

---

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Academia, 1999. С. 56.